

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ТРЕНД В СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ И ЭПИСТЕМОЛОГИИ

Анатолий Зеленков, Евгений Терёхин

Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь

В статье раскрывается сущность и функциональная направленность цивилизационной парадигмы в социальной философии и эпистемологии. Выделяются четыре этапа в процессе становления и концептуально-методологического оформления этой парадигмы, выявляется её объяснительный и прогностический потенциал в современных исследованиях социодинамики модернизирующихся обществ, а также в области историко-философской реконструкции оснований социальной эпистемологии

Ключевые слова: цивилизация, социальная философия, цивилизационный подход, политическая цивилистика, социальная эпистемология, социокультурная детерминация познания

В последней трети XX столетия цивилизационная парадигма в социальной философии становится одной из самых востребованных и актуальных. В значительной

мере это связано с феноменом кризиса и деградацией объяснительных возможностей доминировавших прежде социально-философских моделей исторического процесса. Это марксистская формационная модель и концепция социального неоллиберализма. Эпоха глобализации и те вызовы постсовременности, которые радикально актуализировали программу модернизации для развивающихся стран и регионов мира, не находили адекватного объяснения и референтной прогностической оценки в рамках прежних концептуальных схем. В этих условиях цивилизационный подход обнаруживает свои определённые преимущества и начинает рассматриваться как перспективная философско-методологическая концепция.

Рассмотрим эвристические возможности данного подхода в двух относительно автономных направлениях развития современной философии, ориентированных на анализ и теоретизацию социально-исторического процесса, а также экспликацию оснований постклассической эпистемологии.

Достаточно вспомнить идею С. Хантингтона о «цивилизационных разломах» и формах радикальных дивергенций в социодинамике современного мира, чтобы понять реальную значимость и широкую востребованность терминологических и объяснительных потенций цивилизационного подхода [1]. Сегодня значительное количество работ в области социальной философии, истории, политологии, культурологии, теории международных отношений и других отраслей социально-гуманитарного знания активно используют терминологический аппарат и методологические схемы цивилизационного подхода. Вместе с тем нельзя сказать, что сейчас он представляет собой тщательно разработанную и общепринятую в профессиональном сообществе философско-методологическую модель социально-исторического процесса. Более того, его категориальный аппарат и инструментально-методологический потенциал являются предметом постоянных дискуссий и пока ещё весьма далеки от своей завершённой формы. В первую очередь это касается очевидной полисемантической природы самого понятия «цивилизация», и также вычленения в рамках цивилизационного подхода нескольких его сопрягающихся версий (цивилизационно-стадиальная, цивилизационно-региональная, цивилизационно-локальная).

Для того, чтобы адекватно уяснить эти проблемные особенности цивилизационной парадигмы, важно реконструировать её историческую динамику, зафиксировать важнейшие этапы в её становлении и теоретическом конституировании. С известной долей условности в этом процессе можно выделить четыре этапа: [2, с.115-116]

1. Предпарадигмальная фаза становления цивилизационного подхода, которая охватывает период эпохи Просвещения и длится вплоть до середины XIX столетия. В этот период в Италии, Франции, Англии закладываются основы европейской цивилистики усилиями таких философов и историков, как А. Р. Тюрго, Ж.А. Кондорсе, А. Фергюссон и др. создаются первые версии так называемых проточивилизационных теорий.

2. Второй этап начинается с середины XIX века и продолжается до начала XX столетия. Для него характерна разработка дисциплинарных версий теории цивилизаций, представленных в философских сочинениях Г. В. Ф. Гегеля, И. Г. Гердера, Ф. Гизо, Г. Рюккерта, Н. Я Данилевского, А. де Сен-Симона, О. Конта, Г. Спенсера и др. В этот период императив прогресса, господствовавший в эпоху Просвещения, начинает активно замещаться идеалом духовной традиции с её консервативно-романтическими ориентациями, а также позитивистскими ценностями сциентизма.

3. Великие теории цивилизаций XX в., развитые в трудах М. Вебера, О. Шпенглера, А. Тойнби, П. Сорокина, М. Блока, Л. Февра, Ф. Броделя и других историков и философов, составляют содержание третьего этапа.

4. Четвёртый этап берет начало с середины XX столетия и продолжается вплоть до настоящего времени. Это время наиболее активной и целенаправленной разработки категориально-методологического потенциала цивилизационного подхода, а также различных его версий и модификаций. Эти исследования органично сопрягаются с анализом цивилизационных трансформаций в обществах индустриальной и

постиндустриальной направленности, с выявлением природы техногенной цивилизации и традиционных социумов.

В этот период существенно обогащается теоретический инструментарий цивилизационного подхода, разрабатываются методы социокультурной компаративистики (морфологический, гомологический, структурно-функциональный), позволяющие системно описывать и объяснять такие феномены, как диалог, полилог, столкновение, конфликт различных цивилизационных типов.

В последней трети XX века системная методология исследования цивилизаций трансформируется в её сетевую версию (М. Кастельс, Д. Уилкинсон, И. Пригожин и др.). Одной из важнейших тенденций развития цивилизационного подхода в его современной версии является парадигмальный синтез теории цивилизаций и мир-системной концепции И. Валлерстайна. Достаточно популярным и вместе с тем дискуссионным трендом развития цивилизационных исследований является так называемая политическая цивилистика. В качестве её базового утверждения принимается тезис, согласно которому референтной формой воплощения цивилизаций являются империи, а основная проблематика цивилизационных исследований должна вращаться вокруг явлений власти и политического порядка (Ш. Эйзенштадт, К. Райт, М. Мелко, У. Экхард и др.)

Современное состояние цивилизационного подхода характеризуется заметной тенденцией генерации новых идей и концептуальных гипотез, призванных описывать и объяснять парадоксы социодинамики XXI столетия. К ним следует отнести концепцию революционного богатства Э. Тоффлера, идею Homo Deus Ю. Н. Харари, эпатазирующий вариант цивилизационной прогностики Дж. Фридмана и многие другие версии интерпретаций грядущих социальных изменений.

Конечно, цивилизационный подход наиболее широко представлен и концептуально адаптирован к проблематике гуманитарных наук и социальной философии. Однако в последнее время наблюдается заметный интерес к исследованию его методологических импликаций и в других разделах философского знания. В частности, это касается современной эпистемологии, которая всё более осязаемо приобретает статус социальной эпистемологии [3].

Если для классических версий теории познания основной целью является исследование познавательного процесса, с необходимостью приводящего к истине, то для современной эпистемологии одной из важнейших задач выступает экспликация тех социокультурных условий, которые делают возможным достижение истинного знания. Соответственно, теория познания приобретает некие очертания социологии знания, а науку рассматривают не только как деятельность, но и как социальный институт. Естественно, при таком расширительном подходе к гносеологической проблематике возникает нетривиальная задача ассимиляции тех философских идей, которые позволяют адекватно реконструировать познавательную деятельность в контексте социокультурных и цивилизационных детерминаций.

В данном случае определённую методологическую ценность может представлять обращение к философскому наследию Э. Гуссерля и О. Шпенглера. На первый взгляд такой вариант компаративистики может показаться несколько экзотическим и недостаточно обоснованным. Ведь, если Э. Гуссерль как основатель феноменологической философии вплотную занимался проблемами теории познания, то О. Шпенглер был достаточно далёк от гносеологической проблематики и основное внимание уделял обоснованию теории локальных цивилизаций и «морфологии истории». В то же время в работах Э. Гуссерля практически не упоминается термин «цивилизация» и соответствующая проблематика интерпретируется им в категориальном поле традиционного философского дискурса.

Однако такое возможное умозаключение является достаточно поверхностным и не соответствует сущностным основаниям цивилизационной парадигмы в её эпистемологических импликациях. Достаточно привести несколько высказываний этих двух знаменитых философов с тем, чтобы однозначно убедиться в принципиальной значимости для каждого из них идеи социокультурной детерминации познания, особенно на этапах его революционных трансформаций.

В работе «Кризис европейского человечества и философия» Э. Гуссерль, критикуя претензии психологии на обоснование объективистски и натуралистически ориентированной науки о духе, заявляет, что эта претензия полностью не оправдалась. «Психологи, - пишет он, - даже не замечают ... что сами себя заранее неизбежно предполагают в качестве живущих в обществе людей, принадлежащих своему миру и историческому времени...» [4, с. 123-124]. Эта тема «жизненного мира», изначально задающего базовые предпосылки любого познавательного акта в специфической терминологии гуссерлианской феноменологической философии, актуализирует проблематику социально-цивилизационного влияния на процесс и результаты познания. «Я убеждён, - заключает Э. Гуссерль, - что интенциональная феноменология впервые превратила дух как таковой в предмет систематического опыта научного изучения и тем самым осуществила тотальную переориентацию задачи познания. Универсальность абсолютного духа охватывает все сущее в абсолютной историчности, в которую включается и природа как духовное образование» [4, с. 126].

Не менее убедительна и аналогичная ориентация О. Шпенглера в рассмотрении проблем и приоритетов истории и исторического познания. Как известно, центральной темой творческих исканий О. Шпенглера была задача создать такую философию истории, в которой старая готическая схема деления исторического процесса на последовательно сменяющие друг друга периоды древнего мира, средних веков и нового времени обнаружила бы свою полную несостоятельность и бесперспективность. И в своём знаменитом «Закате Европы» он провозглашает, что решил эту титаническую задачу и создал новую коперниканскую модель истории, понимаемой как её морфология.

В этой модели, отмечает О. Шпенглер, «произвольным, узким, извне привнесённым, продиктованным личными пожеланиями, навязанным истории формам – противопоставляю я естественный, «коперниканский» гештальт всемирной истории, сокрытый в их глубине и открывающийся лишь непредвзятому взгляду» [5, с. 156]. В истолковании О. Шпенглера мир истории предстает как «организм», как «жизнь», т. е. не в завершенной картине ставшего, а в процессе непрерывного становления и изменения. Поскольку история – это мир живого, в ней нет ничего постоянного и всеобщего, нет вечных истин и всемирно-исторических ценностей. Такая релятивная картина исторического процесса с необходимостью предполагает и иррационализацию исторического познания. Оно осуществляется с помощью интуитивных методов: озарение, наитие, художественное созерцание. Философия истории, заключает О. Шпенглер, будучи скорее искусством, нежели наукой, должна в тысяче красок увидеть и прочувствовать исторические формы как внутренние органические структуры истории. И эти «чистые формы» есть ничто иное как культуры. Немецкий философ выделяет восемь таких высоких культур, и каждая из них трактуется им как своеобразная порождающая модель, определяющая всё богатство её языка, технологий познания и деятельности, материально-вещественных воплощений. Эта идея социокультурной или цивилизационной детерминации познания иллюстрируется им на ряде исторических примеров. «Кому известно, что существует глубокая взаимосвязь форм между дифференциальным исчислением и династическим принципом государства эпохи Людовика XIV, между античной государственной формой полиса и евклидовой геометрией, между пространственной перспективой западной масляной живописи и преодолением пространства посредством железных дорог, телефонов и дальнобойных орудий...» [5, с. 133].

Таким образом, цивилизационная парадигма является сегодня одним из самых актуальных методологических трендов, определяющим формы и методы интерпретации значительного количества феноменов и событий в культуре и социальной практике эпохи постсовременности. Она востребована не только в сфере социально-философской рефлексии над процессами трансформации и модернизации различных сегментов и регионов глобализирующегося мира, но и в области современной эпистемологии как высоко специализированной формы научно-философского дискурса.

1. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон; Пер. с англ. Т. Велимеева. Ю. Новикова. — М: ООО «Издательство АСТ», 2003. — 603, [5] с.

2. Социум, цивилизация, культура в исследовательских традициях классической и современной философии : пособие / А. И. Зеленков [и др.] ; под ред. А. И. Зеленкова. – Минск : БГУ, 2015. – 327 с.
3. См. работы Д. Блура, Э. Голдмана, С. Фуллера, И. Т. Касавина.
4. Гуссерль, Э. Кризис европейского человечества и философия / Э. Гуссерль. Философия как строгая наука. – Новочеркасск, Агенство Сагуна, 1994. - 357 с.
5. Шпенглер, О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Том 1. Гештальт и действительность. – М., Мысль, 1993. – 663 с.

CIVILIZATION TREND IN MODERN PHILOSOPHY AND EPISTEMOLOGY

Anatoly Zelenkov, Evgeny Terekhin
Belarusian State University, Minsk, Belarus
centipede@yandex.by

Summary: The article reveals the essence and functional orientation of the civilization paradigm in social philosophy and epistemology. In the process of establishing of conceptual and methodological potential of this paradigm four stages are grounded. As well, its explanatory and prognostic potential are revealed in modern researches of sociodynamics, as well as in the area of the historical-philosophical reconstruction of the foundations of social epistemology

Keywords: *civilization, social philosophy, civilizational approach, political science of civilization, social epistemology, sociocultural determination of knowledge*